

ИНОГДА
СНЫ ЗНАЮТ
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ МЫ...

БЕЗОПАСНОСТЬ —
ЭТО ЗАБОТА.
ИЛИ
КОНТРОЛЬ?

ЦЕНА СВОБОДЫ

— СЕЗОН 2 —

ТОЛСТИКОВ

ПРАВО НА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

ТОМ 4

Второе декабря

Декабрь

2

Второе
декабря.
Ничего уже
не будет
как раньше...

ИНОГДА
САМЫЕ КРАСИВЫЕ
ДВЕРИ
СКРЫВАЮТ
ПРАВДУ.

Ты всё равно
вернёшься...

САМОЕ
ГЛАВНОЕ —
ТЫ В БЕЗОПАСНОСТИ
♥

— НАДЕЖДА ПОРОШИНА —

СЕМЕЙНАЯ
ДРАМА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

ЖИЗНЕННЫЕ
ИСПЫТАНИЯ

ДОМ
КАК ВЫБОР

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА. ОНА ОТКРЫВАЕТ ДОМ.

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН
2. Толстиков. Часть 2.
Право на преследование.
Том 4. Второе декабря

*<https://litres.ru/74522652>
SelfPub; 2026*

Аннотация

После ночного побега Лина пытается построить жизнь, в которой двери открываются изнутри, а слово «нет» не требует оправданий. Но Алексей не собирается отпускать семью.

Разговор второго декабря становится первой записью его требований: назвать адрес, вернуть дочь, подчиниться праву отца. Видеозвонки превращаются в проверки, встречи — в сбор доказательств, а забота о ребёнке — в борьбу за возможность увезти её без матери. Даже перенесённый Алексеем инсульт не прекращает противостояние: жалость снова угрожает стать дверью, через которую контроль вернётся в жизнь Лины.

Теперь ей предстоит понять, где заканчивается право отца и начинается преследование — и можно ли защитить дочь, не позволив страху самому превратиться во власть.

«Второе декабря» — четвёртый том семейно-психологической саги «Цена свободы», остросюжетный роман с элементами мистики. Основано на реальных событиях.

Содержание

Пролог. Красная линия	5
Глава 1. Двадцать минут	47
Глава 2. Одна бутылка	105
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Надежда Порошина

ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН

2. Толстиков. Часть 2.

Право на преследование.

Том 4. Второе декабря

Пролог. Красная линия

Красная линия двигалась в темноте её кармана.
Ровно.

Без остановки.

Она не знала, различает ли диктофон слова сквозь ткань куртки. Не трётся ли микрофон о подкладку. Не заглушает ли голоса шум вентилятора.

Но запись шла.

На экране телефона, лежавшего в сумке, работала вторая.
Две записи одного разговора.

Два шанса сохранить то, что Алексей завтра мог отрицать.
За лобовым стеклом падал снег.

Мелкий, редкий. Он ложился на стекло и таял, оставляя прозрачные дорожки. Щётки не двигались. Двигатель не ра-

ботал. В машине становилось холоднее, но Алексей не включал печку.

Лина сидела рядом с ним, не пристёгиваясь.

Сумку держала на коленях.

Правую руку — возле дверной ручки.

Через стекло торгового центра она видела кафе. За столиком у окна сидела Ирина. Между ними было около пятидесяти метров, поток людей и припаркованные автомобили.

Алексей не знал, что Ирина там.

Во всяком случае, пока.

— Ну что, добились своего? — спросил он.

Лина почувствовала, как внутри поднимается привычное желание объяснить.

Рассказать всё сначала.

О камерах.

О деньгах.

О Павле.

О пиве.

О криках из-за незакрытой двери, маленькой ложки, не так оставленного халата.

О том, как она изображала работу на большом сроке беременности, потому что присесть при нём означало услышать, что все вокруг ленивые.

О том, как он строил сарай и тянул забор, пока она одна занималась детьми, домом и огородом.

О том, как каждую привезённую упаковку продуктов он

считал доказательством своего участия.

О том, как после переезда из дома ей всё ещё приходилось учиться закрывать дверь без разрешения.

У неё были сотни ответов.

Каждый занимал несколько лет.

Но девочка из сна сказала:

«Тебе нужно не убедить его. Услышать».

— Чего именно? — спросила Лина.

Алексей усмехнулся.

Снег отражался в его боковом стекле и казался неподвижным.

— Семью разрушила. Ребёнка забрала. Чужих людей втянула. Теперь сидишь довольная?

— Я не довольна.

— Тогда возвращайся.

— Нет.

Первое слово.

Короткое.

Без объяснений.

Оно осталось между ними и не рассыпалось.

Алексей повернулся к ней.

— Что значит «нет»?

Лина посмотрела на него.

— Именно то, что значит.

— Не умничай.

Он говорил негромко.

Пока.

На улице проходили люди. Женщина в светлой шапке вела ребёнка за руку. Молодой мужчина катил тележку с покупками. Возле зелёной декоративной двери фотографировалась семья.

Внешний мир находился совсем рядом.

Но внутри машины снова действовали другие правила.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросил Алексей.

— Да.

— Нет. Не понимаешь. Думаешь, сняла квартиру, спряталась — и всё закончилось?

Лина не ответила.

— У нас общий ребёнок, — продолжил он.

— Я знаю.

— Значит, я имею право знать, где она.

— Юля со мной. Она здорова и в безопасности.

— Я не это спросил.

— А я на это ответила.

Красная линия продолжала двигаться.

Лина мысленно считала секунды.

Пятьдесят восемь.

Пятьдесят девять.

Минута.

Первые шестьдесят секунд разговора уже существовали отдельно от её памяти.

Теперь Алексей не сможет сказать, что говорил совсем

другое.

Или сможет.

Но у неё останется его голос.

— Адрес, — сказал он.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты преследовал нас после ухода.

— Я ехал за дочерью.

— Я просила не подходить.

— Ты находилась в неадекватном состоянии.

— Поэтому ты хватал меня за рукав?

— Я тебя не хватал.

Ответ прозвучал мгновенно.

Без паузы.

Без попытки вспомнить.

Событие исчезло потому, что он решил его не признавать.

Раньше после таких слов Лина начинала сомневаться.

Может быть, он действительно только коснулся.

Может быть, хотел остановить.

Может быть, она испугалась сильнее, чем следовало.

Теперь в её телефоне хранилась запись.

На ней была рука Алексея.

Его обувь.

Её голос:

«Отпусти меня».

И ответ:

«Ты убегаешь с моей дочерью».

— Это записано, — сказала Лина.

Алексей замер.

Не полностью.

Только пальцы перестали стучать по рулю.

— Что записано?

— Как ты меня держал.

— Кем записано?

— Неважно.

Он посмотрел на сумку.

Потом на карман её куртки.

Красную линию он видеть не мог.

Но будто почувствовал.

— Ты сейчас меня записываешь?

Лина ничего не ответила.

— Я спросил.

— Я услышала.

— И?

— Разговор касается ребёнка.

— Я не давал согласия на запись.

Она почти сказала: «Мне не требуется твоё согласие».

Фраза уже поднялась к губам.

Но Лина остановила её.

Не объяснять больше необходимого.

Не вступать в спор, который он сам выбрал.

Услышать.

— Значит, записываешь, — произнёс Алексей.

Она молчала.

— Решила против меня что-то собирать?

— Я решила помнить разговор так, как он произошёл.

Он усмехнулся.

— У тебя со своей памятью проблемы?

— Нет.

— Тогда зачем диктофон?

Лина снова промолчала.

Алексей открыл водительскую дверь.

На секунду ей показалось, что разговор закончен.

Но он только достал из кармана двери бутылку, сделал глоток и поставил обратно.

Запах пива смешался с ароматизатором.

— Ты приехала разговаривать или молчать? — спросил он.

— Разговаривать.

— Тогда отвечай нормально.

— Я отвечаю.

— Нет. Ты заготовила фразы. Наверное, Ирина научила.

Имя прозвучало как обвинение.

— Она здесь ни при чём.

— Конечно. Просто случайно оказалась рядом, когда ты украла моего ребёнка.

Лина повернулась к нему.

— Я не крала Юлю.

— А как это называется?

— Я ушла из дома вместе со своими детьми.

— Павел — твой ребёнок. Юля — моя.

— Юля наша.

— Не играй словами.

Красная линия дрогнула.

Или Лине показалось.

Она представила, как звук превращается в тонкие колебания. Каждое слово оставляет свой след. Даже если человек откажется от него через минуту, линия уже сохранит форму его голоса.

«Павел — твой».

«Юля — моя».

Два ребёнка.

Две категории.

Один ему не нужен.

Другой необходим как право на возвращение.

— Павел жил с тобой, — сказала Лина. — Ты называл нас семьёй.

— И что?

— Он ребёнок.

— Я его не трогаю.

— Ты на него кричал.

— Потому что он иначе не понимает.

— Ты наказывал его за любую мелочь.

— Я пытался сделать из него мужчину.

— Ты заставил ребёнка бояться шагов в коридоре.

— Это ты его настроила.

— Он боялся тебя ещё в доме.

— Потому что ты всё время его защищала, даже когда он был виноват.

Лина посмотрела на снежинки, тающие на стекле.

Раньше она спорила бы о каждом случае.

Напомнила бы халат.

Дверь.

Ложку.

Ветки.

Закрытую комнату.

Стакан, который Павел разбил, чтобы отвлечь Алексея от синей машинки.

Но сейчас поняла: факты ничего не изменяют.

У Алексея существовала собственная система.

Если ребёнок боялся — его настроила мать.

Если мать защищала — она мешала воспитанию.

Если Алексей кричал — его вынудили.

Если пил — потому что дома было невозможно отдыхать.

Если не занимался детьми — потому что работал и строил.

Если требовал дочь после ухода — потому что был отцом.

В этой системе он всегда оказывался ответом.

Остальные — причиной.

— Мы не вернёмся, — сказала Лина.

— Значит, всё из-за Пашки?

— Не перекладывай это на ребёнка.

— Он всегда стоял между нами.

— Между нами стояло твоё отношение к людям.

— Какое ещё отношение?

Лина посмотрела на него.

— У каждого человека рядом с тобой было назначение.

Алексей усмехнулся.

— Началось.

— Сергей помогал тебе с камерами. Вадим был нужен для машины и прицепа. Игорь — для электрики. Саня — для материалов. Тётя Нина должна была присматривать за домом. Потом ты собирался выкупить её участок. Юра был связан с домом и документами.

— И что?

— Они считали тебя другом или близким человеком.

— А я их кем должен считать?

— Людьми.

— Очень умно.

— Ты сам рассказывал мне, зачем общаешься с каждым.

— Люди друг другу помогают. Для этого и нужны связи.

— А ты им помогаешь?

Он пожал плечами.

— Когда мне выгодно.

Красная линия продолжала двигаться.

Лина не сразу поняла, что Алексей действительно это про-

изнёс.

Не оговорился.

Не пошутил.

Не смягчил.

Сказал спокойно, словно выгода была самым естественным основанием отношений.

— А я? — спросила она.

— Что ты?

— Какое назначение было у меня?

Он тяжело вздохнул.

— Ты опять устраиваешь допрос.

— Я задала один вопрос.

— Семью хотел. Нормальную.

— Что означала для тебя нормальная семья?

— Мужчина строит дом. Женщина занимается детьми и хозяйством. Все вкладываются. Никто не тянет одеяло на себя.

— Я занималась детьми, домом, огородом и работала.

— И?

— А ты пил пиво и находил себе дела на улице.

Его лицо изменилось.

— Я строил для вас.

— Ты строил рядом с домом то, что хотел построить сам.

— А деньги откуда брались?

— В том числе мои.

— Вот.

Одно слово.

Но в нём снова оказалось всё.

— Когда я перестала переводить деньги, ты стал говорить о разводе почти каждый день, — сказала Лина.

— Потому что понял, что на тебя нельзя рассчитывать.

— Когда перевела снова, разговоры прекратились.

— Ты показала, что семья для тебя важна.

— Не семья. Сумма.

— Называй как хочешь.

Лина смотрела на него и чувствовала не боль.

Ясность.

Ту, которой не было внутри дома.

Пока она жила рядом, любое событие растворялось в следующем.

Крик сменялся ужином.

Угроза развода — поцелуем.

Требование денег — словами о строительстве общего будущего.

Камера — обещанием безопасности.

Теперь между ними был диктофон.

Красная линия разделяла факты и объяснения.

— Значит, ты связывал отношение ко мне с деньгами.

— Я связывал с участием.

— Моим участием.

— А чьим ещё? Я один должен был всё тянуть?

— Ты не тянул детей.

— Опять.

— Ты не вставал к Юле ночью. Не занимался Павлом. Не покупал им одежду. Не ходил по врачам. Не знал их режима.

— Я продукты привозил.

— Вместе с пивом.

— Я работал.

— Я тоже.

— Меньше меня.

— Когда стала зарабатывать меньше, ты почти каждый день говорил о разводе.

— Потому что всё начало рушиться.

— Что именно?

Он не ответил.

— Дом? — продолжила Лина. — Семья? Или сумма, которую я больше не могла тебе переводить?

— Ты пришла обвинять?

— Я пришла услышать, чего ты хочешь.

— Чтобы дочь вернулась домой.

— Без меня?

— Можешь с тобой.

— Это не ответ.

— Вернись, и всё.

— Нет.

Он снова постучал пальцами по рулю.

Три раза.

Тук.

Тук.

Тук.

Лина посмотрела на его руку.

Вспомнила стену.

Юру.

Трость на полу.

Записку:

КАМЕРЫ НЕ ВИДЯТ ВСЁ.

Теперь камеры остались в старом доме.

Но красная линия видела слова.

— Тогда привози Юлю, — сказал Алексей.

— Куда?

— Домой.

— На сколько?

— Для начала на день.

— Она маленькая. Ты никогда не оставался с ней один.

— Научусь.

— Кто будет её кормить?

— Я.

— Чем?

— Едой. Не делай из меня идиота.

— Какое питание она ест?

— Ты скажешь.

— Во сколько спит?

— Напишешь.

— Какие лекарства принимает?

— Дашь.

— Что делать, если она не сможет уснуть?

— Разберусь.

— Как?

— Лина, хватит.

— Ты требуешь ребёнка, о котором никогда не заботился один. Я должна подготовить питание, одежду, лекарства и инструкции, отдать её тебе и поверить, что ты вернёшь?

— Я отец.

Не ответ.

Титул вместо действия.

Право вместо опыта.

— Ты хочешь получить ребёнка без меня, — сказала Лина.

— Потому что ты стоишь между мной и дочерью.

— До нашего ухода между вами никого не было. Тебя рядом с ней просто не было.

Он повернулся к ней.

— Я работал.

— Я тоже.

— Ты мать.

— А ты тогда кто?

В салоне стало тихо.

Снаружи прошла женщина с пакетами. Она не посмотрела в их сторону.

Алексей отвёл глаза первым.

— Я не собираюсь перед тобой отчитываться.

— Но требуешь, чтобы я отчиталась, где живу.

— Потому что там мой ребёнок.

— Наш ребёнок.

— Пока она с тобой, ты будешь этим пользоваться.

Лина почувствовала холод.

— Чем?

— Тем, что она маленькая. Что ты мать. Что без тебя якобы нельзя.

— Не «якобы». Я занималась ею с рождения.

— Значит, теперь моя очередь.

— Родительство не передают по очереди, как ключ.

Он усмехнулся.

— Ключ ты забрала?

Лина не сразу поняла.

Зелёный ключ лежал в коробке среди документов.

— Какой?

— От дома.

— Да.

— Зачем, если не собираешься возвращаться?

— Не знаю.

— Значит, собираешься.

— Нет.

— Тогда отдай.

— Отдам позже.

— Почему не сейчас?

Он протянул руку.

Лина не пошевелилась.

— Ключ не со мной.

— Где?

— Неважно.

— У Ирины?

Она промолчала.

— Всё у неё теперь? — продолжил Алексей. — Вещи, документы, деньги? Может, и дети там?

— Юлия в безопасности.

— Я спросил, где.

— Я ответила настолько, насколько считаю нужным.

— Ты не имеешь права решать одна.

— Тогда почему все годы решал один ты?

Алексей откинулся на спинку сиденья.

— Вот именно поэтому с тобой невозможно разговаривать. Любой вопрос переводишь на прошлое.

— Потому что прошлое объясняет, почему я не доверяю тебе сейчас.

— Я ничего детям не сделал.

— Павел тебя боялся.

— Павел не мой.

Фраза прозвучала просто.

Буднично.

Как факт, освобождающий от любой ответственности.

— Ты жил с ним, — сказала Лина.

— И что?

— Он считал нас семьёй.

— Это твой ребёнок. Забирай его куда хочешь. Мне нужна Юля.

Красная линия продолжала двигаться.

Лина почувствовала, как внутри что-то окончательно становится на место.

Не из-за жестокости фразы.

Из-за ясности.

Павел действительно никогда не входил в ту семью, о которой говорил Алексей.

Он был обязан работать.

Подчиняться.

Оставлять дверь открытой.

Не спорить.

Не мешать.

Но права быть ребёнком у него не было.

После ухода Алексей перестал даже притворяться.

— Поэтому ты купил ему куртку за два дня до нашего отъезда? — спросила Лина.

— Я не знал, что вы уйдёте.

— Но подозревал.

— И что?

— До этого ты почти никогда не покупал ему одежду.

— Потому что ты сама всё хватала.

— Игрушки тоже?

— У него их и так было полно.

— А Юле платье купил перед самым уходом.

— Я отец. Имею право покупать дочери вещи.

— Конечно. Только почему именно тогда?

— Потому что захотел.

Он говорил всё резче.

Но голос по-прежнему оставался относительно тихим.

Стёкла машины отделяли его от людей.

Лина от внешнего мира отделяло всего несколько сантиметров металла.

И дверной замок.

Она положила пальцы на ручку.

Алексей заметил.

— Ты куда собралась?

— Пока никуда.

— Тогда руку убери.

Лина не убрала.

— Встречи с Юлей возможны, — сказала она. — В нейтральном месте. При мне. Если ты трезвый.

Он повернулся резко.

— Что значит «трезвый»?

— Без пива.

— Я сейчас пьяный?

От него пахло алкоголем.

Не сильно.

Но знакомо.

— Ты пил.

— Одну бутылку.

— За рулём.

— Я не пьяный.

— В двери стоит открытая бутылка.

Алексей достал её и показал этикетку.

— Безалкогольное.

Лина посмотрела.

Обычное светлое пиво.

— Здесь четыре процента.

— Это почти ничего.

— Это алкоголь.

— Не учи меня.

— Я не отдам тебе ребёнка, если ты пьёшь.

Он поставил бутылку обратно.

— Ты не имеешь права устанавливать условия.

— Имею право защищать дочь.

— От меня?

— От алкоголя. От крика. От поездок после пива.

— Ты сейчас сама себе статью придумываешь?

— Я говорю о том, что видела.

— Докажи.

Лина почувствовала, как круг пытается замкнуться.

Дата.

Время.

Количество бутылок.

Точная фраза.

Свидетель.

Запись.

Для Алексея фактом считалось только то, что он не сумел отрицать.

Всё остальное превращалось в её фантазию.

Но теперь разговор записывался.

— Ты сидишь за рулём и пьёшь сейчас, — сказала она.

— Машина стоит.

— Потом ты поедешь.

— Это твоё предположение.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— То, что ты сам это сказал.

Он посмотрел на неё.

Понял.

Красная линия работала.

— Выключи запись.

— Нет.

— Значит, всё-таки записываешь.

— Да.

Она произнесла это спокойно.

В его лице снова что-то изменилось.

Не ярость.

Расчёт.

Он начал подбирать слова осторожнее.

- Я приехал мирно обсудить ребёнка, — сказал Алексей.
- А ты устроила провокацию.
- Я не просила тебя пить за рулём.
- Я не еду.
- Но приехал на этой машине.
- И?
- Значит, уже ехал после алкоголя.
- Не выдумывай. Я выпил, когда остановился.
- Лина посмотрела на бутылку.
- На горлышке не было снега.
- Салон пах пивом ещё до того, как Алексей сел за руль.
- Но теперь он уже создал новую версию.
- И запись сохранит обе.
- Зачем тебе камера была нужна? — спросила Лина.
- Какая ещё камера?
- Все камеры в доме.
- Для безопасности.
- Они стояли внутри.
- И что?
- Ты наблюдал за нами.
- Я наблюдал за своим домом.
- Мы находились внутри него.
- Значит, я видел, что с вами всё нормально.
- Ты звонил, если Павел закрывал дверь.
- Потому что в доме должны быть открыты комнаты.
- Почему?

— Чтобы я понимал, что происходит.

— Это и называется контролем.

— Опять это слово.

— Оно точное.

Алексей пожал плечами.

— А как иначе? Если я не буду контролировать, ты сделаешь всё по-своему.

Лина замерла.

Она ожидала отрицания.

Обвинения в преувеличении.

Объяснения про пожар, тревогу и безопасность.

Но Алексей не стал отрицать.

— Потому что это моя жизнь, — сказала она.

— Пока у нас общий ребёнок, твоя жизнь касается меня.

Красная линия двигалась.

Это был момент, после которого весь разговор изменился.

Не признание в любви.

Не обещание вернуть семью.

Не раскаяние.

Он действительно считал, что рождение дочери даёт ему право продолжать управлять жизнью Лины.

— Юля касается нас обоих, — ответила она. — Моя жизнь принадлежит мне.

— Так не бывает.

— Теперь будет.

— Посмотрим.

Он произнёс это слово так, как раньше произносила она.
Только у него оно звучало угрозой.

Лина взялась за ручку.

— Разговор закончен.

Щёлкнула блокировка.

Дверь не открылась.

Сон.

Прозрачная клетка.

Снег.

Алексей рядом.

На несколько секунд Лина перестала слышать всё, кроме собственного сердца.

— Открой дверь.

— Сначала договорим.

— Я сказала: открой.

— Ты приехала разговаривать.

— Я могу закончить разговор в любой момент.

— Не можешь всё время убегать.

— Открой.

Он не двигался.

Лина достала телефон.

— Сейчас позвоню Ирине.

— Какой Ирине?

— Которая сидит в кафе и видит машину.

Алексей повернул голову.

Через стекло торгового центра была видна Ирина. Она

уже встала из-за столика и смотрела в их сторону.

— Ты не одна пришла.

— Нет.

— Боишься меня?

Раньше Лина сказала бы:

«Нет».

Из гордости.

Из желания не дать ему ещё одно преимущество.

Теперь ответила правду:

— Да.

Он замер.

— И чего именно?

— Что ты не примешь моё «нет».

Несколько секунд Алексей смотрел на неё.

Потом нажал кнопку.

Замки щёлкнули.

Один раз.

Второй.

Третий.

Дверь открылась.

— Выходи, — сказал он.

Лина нажала ручку.

Холодный воздух ворвался в салон.

Она поставила одну ногу на снег.

— Лина.

Она обернулась.

— Если сейчас уйдёшь, я буду действовать по закону.

— Действуй.

— Я добьюсь встреч с дочерью.

— Обсудим безопасный порядок.

— Не ты будешь решать.

— И не ты один.

— Я приеду к вам.

— Адреса у тебя нет.

Он усмехнулся.

— Найду.

— Это угроза преследования?

— Это моё право знать, где находится ребёнок.

— Нет. Это твоё желание контролировать, где нахожусь я.

— Ты не отделишь себя от неё.

— Именно это ты и используешь.

— Называй как хочешь.

Лина вышла.

Закрыла дверь.

Алексей опустил стекло.

— Я всё равно найду.

Лина не ответила.

Развернулась и пошла к торговому центру.

За спиной завёлся двигатель.

Она не обернулась.

Снег падал на плечи.

Зелёная декоративная дверь сияла под гирляндами.

За стеклом кафе к выходу уже шла Ирина.

Лина коснулась кармана.

Диктофон работал.

Красная линия продолжала двигаться.

Они не стали слушать запись в торговом центре.

Ирина посмотрела на лицо Лины и ничего не спросила.

Только взяла её за локоть и повела к машине.

— Он заблокировал дверь? — спросила она, когда они оказались внутри.

— Да.

— Почему ты не позвонила?

— Он открыл.

— Через сколько?

— Не знаю.

— Лина.

— Я правда не знаю. Может, через минуту.

— Минута в запертой машине — это долго.

Лина посмотрела через стекло.

Автомобиля Алексея уже не было.

— Он признал, что контролировал нас.

— Прямо?

— Сказал, что иначе я всё делала бы по-своему.

— Записалось?

Лина достала диктофон.

Красная линия всё ещё шла.

Нажала кнопку остановки.

На экране появилось время:

00:23:17

Двадцать три минуты.

Алексей обещал двадцать.

Лина прожила внутри разговора чуть больше двадцати трёх минут, но ей казалось, что прошёл целый день.

— Не включай здесь, — сказала Ирина. — Сначала сделаем копию.

— Почему?

— Потому что теперь нельзя хранить важное в одном месте.

— Телефон тоже записывал.

— Значит, будет две копии.

Лина посмотрела на устройство.

— Он сказал, что найдёт нас.

— Я слышала через стекло не всё.

— Это услышишь.

— Ещё что?

— Что Павел не его. Что ему нужна только Юля. Что я не смогу отделить свою жизнь от ребёнка.

Ирина медленно выдохнула.

— Поехали.

— Домой?

Слово вырвалось само.

Ирина посмотрела на неё.

— Да. Домой.

На этот раз речь шла не о доме с зелёной дверью.

Павел ждал их в коридоре новой квартиры.

Увидев мать, сразу спросил:

— Он тебя отпустил?

Не «как поговорили».

Не «что сказал».

Отпустил ли.

— Я сама вышла.

— Дверь не закрывал?

Лина сняла куртку.

— Закрыл.

Мальчик побледнел.

— Но потом открыл.

— Почему?

— Потому что Ирина была рядом.

— А если бы её не было?

Ответа не существовало.

Или существовал, но Лина не хотела произносить его вслух.

— Поэтому я пошла не одна, — сказала она.

Павел посмотрел на её карман.

— Записалось?

— Надеюсь.

Они включили ноутбук.

Поставили его на кухонный стол.

Диктофон подключили через кабель.

На экране появилась папка с единственным новым файлом.

Дата.

Время.

Длительность.

Лина скопировала запись на ноутбук.

Затем — на отдельный накопитель Ирины.

Третью копию отправили в защищённое хранилище.

Только после этого нажали воспроизведение.

Сначала послышался шорох ткани.

Гул парковки.

Хлопок двери.

Потом голос Алексея:

— Ну что, добились своего?

Юля спала в соседней комнате.

Павел сидел рядом, но Лина попросила его уйти.

— Я тоже там был, — возразил он.

— Нет. В машине тебя не было.

— Он говорил обо мне.

— Именно поэтому тебе не нужно это слушать.

— А если ты потом опять начнёшь думать, что всё неправильно поняла?

Вопрос остановил её.

Павел знал, как она сомневалась.

Слышал, как после каждого конфликта Лина находила объяснение словам Алексея.

Устал.

После записи она могла снова сказать:

«Он был на эмоциях».

«Он испугался».

«Он не это имел в виду».

— Я не забуду, — сказала Лина.

— Ты раньше тоже так говорила.

Ирина вмешалась:

— Паш, запись никуда не исчезнет. Но сейчас тебе правда не нужно слышать всё.

— Почему взрослые всегда решают, что детям не нужно слышать, если дети уже это прожили?

В кухне стало тихо.

Лина подошла к сыну.

— Потому что я хочу хотя бы сейчас сделать то, что должна была делать раньше. Не заставлять тебя снова проходить через это.

— Но если там он говорит, что я чужой, я и так знаю.

Лина почувствовала боль.

— Ты не чужой.

— Ему — да.

Она обняла сына.

— Его способность любить не определяет твою ценность.
Павел постоял в её руках, потом отступил.

— Я не буду слушать.

— Спасибо.

— Но если там будет что-то важное про меня, скажешь?

— Скажу.

Он ушёл в комнату.

Закрыв дверь.

Никто не потребовал открыть.

Лина и Ирина прослушали запись полностью.

Некоторые реплики звучали иначе, чем запомнились.

Громче.

Холоднее.

Чище.

В машине выражение лица Алексея смягчало одни слова и усиливало другие. На записи лица не было.

Оставался смысл.

«Павел — твой ребёнок. Юлия — моя».

«Когда мне выгодно».

«Вернись, и всё».

«А как иначе? Если я не буду контролировать, ты сделаешь всё по-своему».

«Пока у нас общий ребёнок, твоя жизнь касается меня».

«Не можешь всё время убегать».

«Я всё равно найду».

Ирина ставила паузу после каждой важной фразы.

Записывала время.

— Слушай, — сказала она. — Здесь.

Запись:

— А как иначе? Если я не буду контролировать, ты сделаешь всё по-своему.

Пауза.

— Потому что это моя жизнь.

— Пока у нас общий ребёнок, твоя жизнь касается меня.

Ирина остановила.

— Вот весь разговор.

— В каком смысле?

— Он сам определил принцип. Не только Юля касается его. Вся твоя жизнь, по его мнению, касается его, потому что у вас общий ребёнок.

— Он скажет, что имел в виду решения о дочери.

— Скажет.

— И что я вырвала фразу из контекста.

— Скажет.

— И что запись незаконная.

— Возможно.

— И что я его спровоцировала.

— Обязательно.

Лина посмотрела на дорожку аудиофайла.

Тонкие пики.

Паузы.

Шорохи.

Красная линия, остановившаяся после двадцати трёх минут.

— Тогда зачем всё это?

— Чтобы ты сама больше не сомневалась.

Лина хотела возразить.

Сказать, что запись нужна для доказательств.

Для будущего суда.

Для полиции.

Для опеки.

Для любого человека, которому Алексей расскажет другую версию.

Но Ирина была права.

Первым человеком, которому требовалось доказательство, оставалась сама Лина.

Они дошли до конца файла.

После фразы Алексея «Я всё равно найду» послышался хлопок двери.

Шаги Лины.

Шум двигателя.

Потом голос Ирины:

— Он заблокировал дверь?

Ещё несколько секунд записи.

Шорох.

И тишина.

Лина потянулась остановить воспроизведение.

— Подожди, — сказала Ирина.

— Там уже ничего нет.

— Дослушаем.

Они сидели молча.

На звуковой дорожке оставалась почти минута.

Слышалось только движение одежды и далёкая музыка торгового центра.

Потом:

Щелчок.

Пауза.

Щелчок.

Пауза.

Щелчок.

Три одинаковых звука.

Лина посмотрела на Ирину.

— Ты это слышишь?

— Да.

— Что это?

— Может, кнопка диктофона. Или молния.

— Я ничего не нажимала.

Ирина прокрутила назад.

Снова:

Тук.

Пауза.

Тук.

Пауза.

Тук.

Не замок машины.

Не шаги.

Не стук по стеклу.

Звук был глухим.

Почти таким же, как удары трости Юры по стене.

— Совпадение, — сказала Лина.

— Наверное.

Они прослушали ещё раз.

После третьего удара появлялся очень слабый звук.

Не слово.

Скорее выдох.

И всё же Лине показалось, что в нём были различимы два слога.

— Что там? — спросила она.

Ирина увеличила громкость.

Шум стал сильнее.

На его фоне проявился тихий голос.

Или его подобие.

— Он... начал...

Ирина остановила запись.

— Ты это говорила?

— Нет.

— Я могла?

— Ты была далеко.

— Может, кто-то прошёл рядом.

— Может быть.

Лина прокрутила фрагмент снова.

Три удара.

Выдох.

Он начал.

— Кто начал? — спросила Ирина.

Лина закрыла ноутбук.

— Не знаю.

На мгновение индикатор возле камеры вспыхнул красным.

Погас.

Ни одна из женщин этого не заметила.

Ночью Лина долго не могла уснуть.

Ноутбук остался на кухне.

Диктофон лежал на тумбочке.

Зелёный ключ — в коробке с документами.

На новом телефоне не было ни одного сообщения от Алексея.

Он молчал.

После встречи эта тишина казалась не отсутствием.

Действием.

Пока Алексей писал и звонил, Лина знала, где находится его внимание.

Теперь он мог:

искать адрес;

звонить знакомым;

разговаривать с тётёй Ниной;

собирать собственные записи;

узнавать, какие права имеет отец;

готовить историю, в которой мать забрала ребёнка без причины.

Лина встала и подошла к окну.

Во дворе никого не было.

Снег лежал на машинах.

Фонарь освещал пустую дорожку.

За спиной тихо открылась дверь.

Павел вышел из комнаты.

— Он написал?

— Нет.

— Тогда почему не спишь?

— Думаю.

— О чём?

— Что он будет делать дальше.

— Ты же записала.

— Запись не остановит его.

— Тогда зачем она?

Лина посмотрела на сына.

— Чтобы он не мог заставить меня забыть, что уже сделал.

Павел подошёл к окну.

— Он сказал, что найдёт нас?

— Да.

— Найдёт?

— Не знаю.

— Но домой мы не вернёмся?

— Нет.

— Даже если он пообещает убрать камеры?

— Даже тогда.

— Даже если скажет, что изменился?

Лина вспомнила голосовое сообщение.

«Я бы изменился».

«Я уберу камеры».

«Деньги твои трогать не буду».

— Обещание измениться и изменение — не одно и то же.

— А если правда изменится?

— Тогда это будет видно без нашего возвращения.

Павел немного подумал.

— Как?

— Он начнёт принимать слово «нет».

— Сегодня не принял.

— Нет.

— Значит, не изменился.

Лина улыбнулась.

— Значит, пока нет.

Они постояли возле окна.

В новом доме было тихо.

Но теперь Лина понимала: тишина не означала завершения.

Дом остался позади.

Камеры больше не видели её комнат.

Зелёный ключ не открывал новую дверь.

Однако Алексей нашёл другой путь.

Через дочь.

Через право знать.

Право требовать.

Право приехать.

Право проверить.

Право называть контроль участием в жизни ребёнка.

В части первой он наблюдал за Линой через камеры.

Во второй ему больше не понадобятся стены.

Лина ещё не знала, сколько заявлений он напишет.

Скольким людям расскажет, что она запрещает видеть дочь.

Сколько раз появится там, где она не ждёт.

Как быстро любовь превратится в процессуальные действия, звонки, требования и документы.

Но теперь у неё был его голос.

Не сон.

Не предчувствие.

Не чужое толкование.

Запись.

Обещание найти её.

Признание, что контроль казался ему естественным.

Уверенность, что общий ребёнок даёт ему право на её жизнь.

На кухне ноутбук самостоятельно вышел из спящего режима.

Экран на несколько секунд осветил пустую комнату.

Красный индикатор возле камеры мигнул.

Потом всё снова погасло.

Лина этого не увидела.

Она укрыла Павла, проверила Юлю и легла.

В темноте ей почудились три коротких щелчка.

Не в стене.

Не в двери.

Где-то совсем рядом.

Тук.

Тук.

Тук.

Красная линия больше не двигалась.

Но человек, чей голос она сохранила, уже начал искать способ превратить своё желание контролировать в право преследовать.

Глава 1. Двадцать минут

Утром третьего декабря Лина проснулась от собственного голоса.

— Нет. Адрес я не дам.

Фраза прозвучала совсем рядом.

Лина резко села.

Комната была тёмной. Юлия спала в кроватке, повернув голову к стене. Павел лежал на другой стороне кровати, куда пришёл ночью со своим одеялом.

Голос повторился:

— Она находится в безопасности.

На кухне работал ноутбук.

Вчера Лина оставила его открытым на столе. Перед сном они с Ириной скопировали туда запись разговора, но прослушать успели только начало.

Вероятно, ночью ноутбук не перешёл в спящий режим, а утром Павел нажал клавишу, когда искал зарядное устройство.

Теперь из-за неплотно закрытой двери доносился голос Алексея:

— Это я должен решить, в безопасности она или нет.

Лина встала и вышла на кухню.

На экране двигалась звуковая дорожка.

Красная линия дошла до второй минуты.

Лина нажала паузу.

Наступила тишина.

Но тело продолжало ждать следующей реплики.

Будто Алексей сидел не в машине на вчерашней парковке,
а здесь, за кухонным столом.

— Мам?

Павел стоял в дверях.

— Я тебя разбудила?

— Не ты.

Он посмотрел на ноутбук.

— Он.

— Это запись.

— Всё равно его голос.

Лина закрыла крышку.

В углу погас маленький красный огонёк.

— Больше не включу без наушников.

— Ты будешь слушать всё?

— Придётся.

— Зачем?

— Чтобы записать словами.

— Ты же и так помнишь.

Лина посмотрела на закрытый ноутбук.

Она действительно помнила.

Запах в салоне.

Снег на лобовом стекле.

Бутылку в водительской двери.

Щелчок замков.

Лицо Алексея, когда она призналась, что боится его.

Но память уже начинала менять детали.

Вчера ей казалось, что он потребовал адрес сразу после приветствия. На записи между этими фразами прошло почти две минуты.

Ей помнилось, что он повысил голос, когда она отказалась возвращаться. Запись показывала другое: Алексей говорил тихо.

Громкой была она.

Не потому, что нападала.

Потому что пыталась пробиться через его спокойствие.

— Я помню не всё, — сказала Лина. — А то, что помню, могу помнить не точно.

— Он скажет, что ты придумала?

— Скажет.

— Но запись же есть.

— Поэтому и нужно её сохранить.

Павел сел за стол.

— А если он заставит удалить?

— Не заставит.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Мальчик это заметил.

— Как камеры?

Лина не сразу поняла.

— Что?

— Ты тоже говорила, что камер в комнатах не будет. Потом они появились.

— Здесь он ничего не установит.

— Но ноутбук же из того дома.

Лина посмотрела на него.

На крышке компьютера виднелась царапина. Алексей когда-то уронил на него отвёртку, а потом сказал, что техника должна лежать там, где ей ничего не угрожает.

Сам ноутбук он несколько раз забирал.

«Посмотреть, почему тормозит».

«Поставить нормальную защиту».

«Обновить систему».

Лина попыталась вспомнить, когда это было в последний раз.

До рождения Юли?

После?

Воспоминания смешались.

— Мы проверим его, — сказала она.

— Как?

— Отнесём специалисту.

— Сегодня?

— Не сегодня. Сначала сохраним всё важное.

Павел провёл пальцем по краю крышки.

— А если он и отсюда слышит?

— Ноутбук закрыт.

— Камера тоже была выключена. А потом оказалось, что

у неё есть аккумулятор.

Лина хотела сказать, что компьютеры устроены иначе.

Что для работы микрофона нужна программа.

Что Алексей не мог слышать их через закрытый ноутбук просто потому, что Павел испугался.

Но произнесла другое:

— Пока не будем обсуждать рядом с ним ничего важного.

— Куда его убрать?

Лина посмотрела на шкаф.

На балкон.

На коробку из-под детского питания.

Потом отключила ноутбук от сети и положила в кухонный ящик.

— Туда.

— А запись?

— Запись скопируем на флешку.

Павел кивнул.

— Лучше на две.

Лина посмотрела на сына.

Ему было столько лет, сколько должно быть достаточно для таблицы умножения, школьных ссор и забытых тетрадей.

Не для резервных копий доказательств.

— На две, — согласилась она.

Ирина приехала после девяти.

Привезла флешки, новый внешний диск и бумажную тетрадь в синей обложке.

— Зачем тетрадь? — спросила Лина.

— Чтобы фиксировать события по датам.

— У меня есть заметки в телефоне.

— Телефон можно потерять. Аккаунт могут заблокировать. Переписку — удалить.

Она положила тетрадь на стол.

— Бумагу тоже можно потерять, — сказал Павел.

Ирина посмотрела на него.

— Поэтому будем хранить копии в разных местах.

— Я так и сказал маме.

— Правильно сказал.

Павел ушёл умываться.

Дверь своей комнаты он закрыл.

Ирина проводила её взглядом.

— Он всё слышал вчера?

— Только когда я вернулась.

— Что ты ему рассказала?

— Что разговор состоялся. Что Алексей требовал Юлю и адрес. Что я не согласилась.

— Про дверь?

— Нет.

— Почему?

Лина взяла чайник.

— Он и так боится.

— А если узнает позже?

— Тогда расскажу.

— Лина.

— Что?

— Ты опять решаешь, какую часть правды ребёнок выдержит.

— Я его мать. Я должна фильтровать.

— Должна. Но Павел видел, как Алексей хватал тебя. Видел погоню. Жил под камерами. Если ты скажешь, что вчера всё прошло спокойно, а потом он услышит на записи, как ты требуешь открыть дверь, ему станет страшнее.

— Я не говорила, что всё прошло спокойно.

— А что сказала?

— Что я вышла. Что ты была рядом.

— Это правда. Но не вся.

Лина включила чайник.

— Я не хочу снова делать его свидетелем.

— Он уже свидетель. Вопрос только в том, будет ли он понимать, что именно видел.

— Ему нужно учиться, а не разбираться в угрозах.

— Согласна.

— Тогда зачем рассказывать?

— Чтобы он не решил, что опасность исчезла только потому, что вы переехали.

Лина резко повернулась.

— Он и так проверяет замки каждые полчаса.

— Не потому, что знает слишком много. Потому что никто не может сказать ему, чего ожидать.

— А ты можешь?

Ирина выдержала её взгляд.

— Нет.

Чайник отключился.

Несколько секунд слышалось только, как вода успокаивается внутри металлического корпуса.

— Тогда не надо делать вид, что правда его защитит, — сказала Лина.

— Не защитит. Но поможет отличать опасность от тревоги.

— Каким образом?

— Если он знает, что Алексей вчера запер дверь машины, можно объяснить: ты потребовала открыть, не осталась одна, вышла, сохранила запись. Есть событие и есть действия. А сейчас Павел, скорее всего, представляет что-то хуже.

Лина подумала о сыне, стоявшем ночью в коридоре после звука соседского замка.

«Это не он?»

«Точно?»

Она достала чашки.

— Поговорю с ним.

— Не обязательно сейчас.

— Ты же говоришь...

— Я говорю, что не надо создавать удобную версию. Не надо выкладывать на ребёнка всё сразу.

Лина налила кипяток.

— Я всё время выбираю между двумя неправильными решениями.

— Привыкай выбирать не идеальное. Самое безопасное из возможных.

— А если ошибусь?

— Исправишь.

Алексей не признавал исправлений.

Любая ошибка становилась свойством человека.

Раз опоздала — безответственная.

Раз не ответила — что-то скрывает.

Раз забыла — значит, врёт.

Раз испугалась — неадекватная.

С ним ошибка не была действием.

Она становилась приговором.

— Я не умею, — сказала Лина.

— Что?

— Исправлять и идти дальше. Мне всё время кажется, что одно неправильное решение докажет: он прав во всём.

Ирина открыла синюю тетрадь.

На первой странице написала дату:

3 декабря 2024 года.

— Поэтому начнём не с решений, — сказала она. — С фактов.

Запись длилась двадцать три минуты семнадцать секунд.
Лина увидела это только теперь.

— Мы договаривались на двадцать, — сказала она.

— Три минуты погрешности.

— Нет.

— Почему?

— Потому что он несколько раз говорил, что я обязана дослушать.

Ирина достала ручку.

— Отмечаем время.

Они начали сначала.

00:00.

Шорох одежды.

Хлопок пассажирской двери.

Глухой звук со стороны водителя.

Два вдоха Лины.

Голос Алексея:

— Ну что, добились своего?

Ирина остановила запись.

— Что было до этого?

— Он открыл мне дверь. Я проверила внутреннюю ручку.

— Почему?

— Ты сказала проверить.

— Он видел?

— Да.

— Что ответил?

— Спросил, совсем ли я сошла с ума.

Ирина записала.

— Это не попало?

— Диктофон лежал в кармане. Я включила его в твоей машине, но на улице ветер. Там, наверное, ничего не разобрать.

— Потом посмотрим второй файл.

— Зачем так подробно?

— Потому что через неделю ты забудешь последовательность. Через месяц он скажет, что ты добровольно села в машину и вела себя спокойно. Через полгода кто-нибудь спросит: если вы боялись, зачем сели?

— Хороший вопрос.

— Нормальный. На него нужен ответ.

Лина смотрела на цифры.

Ноль минут.

Начало разговора.

Начало второй части её жизни.

— Я хотела получить запись, — сказала она. — Он отказывался обсуждать всё письменно и не хотел идти в кафе. Ты была рядом. Я проверила дверь.

— И всё равно села.

— Да.

— Не вычёркивай это «да». Ты приняла рискованное ре-

шение. Оно не даёт ему права запереть тебя.

Ирина нажала воспроизведение.

На записи Алексей обвинял Лину в разрушении семьи.

Она отвечала коротко.

Потом он спросил:

— Адрес где?

— Я не скажу.

— Почему?

— Потому что ты приехал за нами, когда я просила этого не делать.

— Я не за тобой приехал.

— А за кем?

— За ребёнком.

— Юля была со мной.

— Поэтому пришлось ехать за тобой.

Ирина снова нажала паузу.

— Слышишь?

— Что?

— Он разделяет вас, когда ему удобно. Ехал не за тобой, а за ребёнком. Но чтобы получить ребёнка, ему «пришлось» преследовать тебя.

— Он считает это логичным.

— Именно.

Ирина записала фразу дословно.

— Возможно, это не пригодится, — сказала Лина.

— Возможно.

— Тогда зачем?

— Чтобы ты сама видела схему.

— Я её и так вижу.

— Сейчас — да.

— А потом?

Ирина не ответила.

Не требовалось.

Потом Алексей мог снова стать мягким.

Привезти игрушку.

Спросить, нужны ли деньги.

Написать, что скучает.

Пожаловаться на здоровье.

Назвать её единственным близким человеком.

И схема растворится в отдельных поступках.

Лина знала, как это работает.

Плохое никогда не отменяло хорошего.

Хорошее использовалось, чтобы отменить плохое.

На пятой минуте Алексей впервые произнёс слово «право».

— Я отец. У меня есть право знать, где находится моя дочь.

— Ты знаешь, что она со мной.

— Это не адрес.

— Адрес нужен тебе, чтобы приехать без предупрежде-

ния.

— Не придумывай.

— Ты уже приехал за нами один раз.

— Потому что ты исчезла.

— Я написала, что Юля со мной и находится в безопасности.

— После того как сбежала.

— Я не сбежала. Я ушла.

— Ночью.

— Потому что днём ты бы не выпустил.

— Тебя кто-то держал?

Лина слушала и чувствовала, как снова начинает сомневаться.

Не сейчас.

Там.

Внутри записи.

Её голос после вопроса изменился. Стал менее уверенным.

— Ты говорил, что Юля останется с тобой.

— И что?

— Значит, спокойно уйти вместе с ней я не могла.

— Ты даже не попробовала поговорить.

— Я говорила много раз.

— Когда?

— После камер. После денег. После того, как ты кричал на Павла.

— Это разные разговоры.

— Для меня — один.

— Очень удобно всё собрать и сделать меня виноватым.
На записи Лина вздохнула.

Пауза длилась четыре секунды.

Теперь она понимала, что произошло в эти секунды.

Он заставил её защищать не решение уйти.

Её право связать отдельные события в закономерность.

Если каждую сцену рассматривать отдельно, Алексей на-
ходил объяснение.

Камеры — безопасность.

Деньги — общий дом.

Крик — воспитание.

Проверка телефона — недоверие, которое вызвала она.

Закрытая дверь — необходимость закончить разговор.

Но стоило соединить всё вместе, появлялся контроль.

Поэтому Алексей каждый раз разбирал целое на части.

— Запиши, — сказала Лина.

— Что именно?

— «Это разные разговоры».

Ирина записала.

— Почему важно?

— Потому что он всегда так делает. Не разрешает скла-
дывать.

— Что складывать?

— Его поступки.

Лина взяла тетрадь и под фразой написала сама:

**Если каждое событие считать отдельным, системы
будто нет.**

Посмотрела на строку.

Добавила:

Но последствия живут вместе.

Павел вышел из комнаты около одиннадцати.

Остановился возле кухни.

— Вы долго ещё?

— Не знаю, — ответила Лина.

— Можно поесть?

Она посмотрела на стол.

Флешки.

Ноутбук.

Тетрадь.

Телефон.

Две чашки.

Ни завтрака, ни тарелки для сына.

Снова расследование занимало место обычной жизни.

— Конечно. Сейчас приготовлю.

Она встала.

— Я сам могу.

— Что хочешь?

— Хлопья.

Лина достала молоко.

Павел сел напротив Ирины и посмотрел на экран.

Запись стояла на шестой минуте.

— Он долго держал тебя в машине?

— Двадцать три минуты.

— А договаривались на двадцать.

— Да.

— Почему ты не вышла ровно через двадцать?

Вопрос прозвучал без упрёка.

Но Лина всё равно слышала в нём будущего незнакомого

человека:

«Почему не ушли раньше?»

«Почему вообще сели?»

«Почему продолжали отвечать?»

— Потому что разговор не заканчивается по таймеру, — сказала она.

— Можно было поставить будильник.

— Можно.

— В следующий раз поставь.

Ирина опустила ручку.

— Следующего раза в машине не будет.

Павел посмотрел на мать.

— Правда?

— Правда.

— Даже если холодно?

— Даже если.

— Он может сказать, что Юля замёрзнет.

— Юлю я на такие встречи брать не буду.

— А если суд скажет?

В комнате стало тихо.

— Суд пока ничего не сказал, — ответила Лина.

— Алексей сказал, что будет действовать по закону.

— Это не значит, что суд прикажет посадить Юлю в машину.

— Но он так думает?

— Он думает, что закон должен дать ему то, что не дала мама, — сказала Ирина.

Павел нахмурился.

— Закон как запасной ключ?

Ирина посмотрела на Лину.

Та почувствовала холод, хотя на кухне было тепло.

— Похоже, — ответила она.

— А если у него будет такой ключ?

— Тогда мы будем объяснять, почему некоторые двери должны оставаться закрытыми.

— А если не поверят?

Лина поставила перед ним миску.

— Для этого мы и сохраняем запись.

Павел залил хлопья молоком.

— Там слышно, как он запер дверь?

— Слышно щелчок.

— А как ты сказала открыть?

— Тоже.

— Тогда поверят.

Он произнёс это с уверенностью ребёнка, для которого доказанный факт ещё не мог иметь несколько толкований.

Лина не стала объяснять, что Алексей назовёт щелчок случайным.

Что скажет: нажал кнопку машинально.

Что дверь можно было открыть второй ручкой.

Что он не удерживал, а хотел закончить разговор.

Что она сама села.

Что вышла без повреждений.

Что двадцать три минуты — не похищение.

Что страх невозможно приложить к заявлению отдельным документом.

— Надеюсь, — сказала она.

После завтрака Павел вернулся в комнату.

Запись продолжилась.

На восьмой минуте Алексей заговорил о доме.

— Ты вообще понимаешь, сколько я для вас сделал?

— Понимаю.

— Не похоже.

— Я благодарна за хорошее.

— Как удобно. Хорошее забрала, а меня выбросила.

— Я ничего не забрала из дома, кроме документов и дет-

ских вещей.

— Я не про вещи.

— А про что?

— Про годы.

— Их невозможно вернуть ни тебе, ни мне.

— Мне ничего возвращать не надо. Вернись сама.

— Нет.

Лина услышала собственное «нет».

Тихое.

Без дрожи.

Вчера она не заметила, что произнесла его так уверенно.

Алексей замолчал на пять секунд.

Потом спросил:

— Тебе кто-то появился?

— Нет.

— Тогда зачем тебе отдельная квартира?

— Чтобы жить отдельно от тебя.

— Это не ответ.

Ирина остановила запись.

— Почему не ответ?

— Потому что в его картине женщина уходит только к другому мужчине.

— Или?

— Если он совсем плохой.

— А плохим он себя не считает.

— Значит, должен существовать другой.

— Иначе причина — твоё решение.

Лина кивнула.

— А решение он не признаёт.

Она вспомнила его лицо после слова «нет».

Не ярость.

Сосредоточенность человека, столкнувшегося с неисправным механизмом.

Как будто Лина не отказала.

Она перестала работать правильно.

— Он почти не спрашивает, почему ты ушла, — заметила Ирина.

— Спрашивает.

— Нет. Он оспаривает причины. Это другое.

Они вернули запись на несколько секунд назад.

— Тогда зачем тебе отдельная квартира?

— Чтобы жить отдельно от тебя.

— Это не ответ.

Ирина выписала диалог.

Рядом поставила время:

08:14.

— Восемь минут четырнадцать секунд, — сказала Лина.

— Что?

— Столько понадобилось, чтобы моё желание жить отдельно перестало считаться ответом.

На десятой минуте голос Алексея стал мягче.

— Лин, ну хорошо. Допустим, я был неправ.

— В чём?

— Во всём, что ты там себе записала.

— Я спрашиваю конкретно.

— Вот опять. Тебе признания нужны или семья?

— Мне нужно понимать, что изменится.

— Я же сказал: камеры сниму.

— А телефон проверять перестанешь?

— Если не будешь ничего скрывать, зачем его проверять?

— Значит, не перестанешь.

— Я не это сказал.

— А деньги?

— Что деньги?

— Ты перестанешь требовать переводы?

— Я никогда не требовал.

— Ты говорил о разводе, пока я не перевела.

— Потому что ты показала отношение.

— Деньгами?

— Участием.

— Моим участием ты называешь деньги.

— Не только.

— Что ещё?

— Дом. Дети. Огород. Нормальная жена вообще понимает, что нужно делать.

Ирина остановила запись.

— Он только что пообещал измениться, — сказала она.

— Не пообещал. Сказал: «Допустим, я был неправ».

— А потом сразу объяснил условия, при которых продолжит делать то же самое.

Лина медленно провела пальцем по краю чашки.

— Раньше я бы слышала только про камеры.

— Потому что это было бы облегчением.

— Я бы вернулась ради одного обещания их снять.

— Вчера?

— Нет.

— Когда?

— Несколько месяцев назад.

Она представила тот дом без камер.

Красные точки исчезли.

Но двери всё равно должны были оставаться открытыми.

Павел всё равно говорил бы тише.

Пиво всё равно стояло бы возле локтя Алексея.

Деньги всё равно измеряли бы её верность.

Телефон всё равно лежал бы экраном вниз, потому что любой входящий звонок мог стать поводом для допроса.

Камеры не создали контроль.

Только сделали его видимым.

— Он предлагает убрать прибор, — сказала Лина. — Не причину.

Ирина записала и это.

— Ты уверена, что хочешь фиксировать мои слова?

— А чьи?

— Они потом могут показаться преувеличением.

— Тогда перечитаешь и исправишь.

Лина посмотрела на тетрадь.

Раньше исправлять разрешалось только Алексею.

Он возвращался к сказанному и объяснял, что Лина не так поняла.

Что он имел в виду другое.

Что был зол.

Что шутил.

Что предупреждал, а не угрожал.

Её слова оставались неизменными.

Его получали новые значения после каждого последствия.

Теперь у неё тоже появлялось право перечитать.

Уточнить.

Исправить.

Не отменяя того, что произошло.

На двенадцатой минуте Алексей впервые заговорил о времени.

— Мы долго ещё будем по кругу ходить?

— Мы договаривались на двадцать минут.

— И что?

— Прошло двенадцать.

— Ты время считаешь?

— Да.

— Семейю по минутам обсуждаешь?

— Мы уже не обсуждаем семейю. Ты требуешь адрес.

— Потому что там мой ребёнок.

— Наш.

— Хорошо. Наш. Довольна?

— Нет.

— Вечно ты к словам цепляешься.

Лина закрыла глаза.

Она помнила, как посмотрела тогда на часы на панели.

18:12.

До конца оставалось восемь минут.

Восемь минут казались коротким расстоянием.

Она думала, что сможет выдержать.

Но уже сама формулировка «до конца» была ошибочной.

Для Алексея разговор заканчивался не по времени.

Когда он получал ответ.

Не любой.

Нужный.

— Он не собирался укладываться в двадцать минут, — сказала она.

— Вероятно.

— Тогда зачем согласился?

— Чтобы ты села.

Так просто.

Двадцать минут не были условием, которое Алексей при-

нял.

Они были ценой входа.

Как обещание убрать камеры.

Как слова «только поговорим».

Как «я не буду тебя трогать».

Условие действовало, пока открывало дверь.

После этого превращалось в её придирку.

— В доме было так же, — сказала Лина. — Он соглашался, чтобы прекратить спор. А потом делал по-своему.

— Например?

— Я говорила: не ставь камеру в коридоре. Он отвечал: хорошо, подумаю. Я слышала «хорошо». Он имел в виду «подумаю». Потом ставил.

— Ещё?

— Просила не кричать на Павла. Он говорил: ладно. Через день кричал и объяснял, что ситуация была другая.

— Ещё?

— Деньги. Врач. Двери. Пиво.

— Записывай.

— Всё?

— Пока помнишь.

Лина открыла последнюю страницу тетради и начала перечислять.

Не подробно.

Только опорные слова.

Каждое занимало одну строку.

Камера в коридоре.

Дверь Павла.

Переводы на стройку.

Отменённый врач.

Пиво за рулём.

Разговоры под запись.

Обещание домыть посуду после свадьбы.

На последней фразе рука остановилась.

Это выглядело мелочью.

Нелепой рядом с преследованием и запертой машиной.

— Это убрать? — спросила она.

— Почему?

— Потому что посуда ничего не доказывает.

— А что она для тебя значит?

— Он сказал, что домоет утром.

— И?

— Не домыл.

— Тогда оставь.

— Но если кто-то прочитает, решит, что я ушла из-за тарелок.

— Ты не обязана превращать свою жизнь только в доказательства тяжёлых событий. Иногда закономерность начинается с обещания вымыть посуду.

Лина оставила строку.

На четырнадцатой минуте разговор дошёл до Павла.

— Вернись хотя бы с Юлей, — сказал Алексей.

— Без Паши?

— Он может пока пожить у твоей матери.

— Почему?

— Чтобы мы спокойно разобрались.

— Он мой сын.

— А я твой муж.

— Одно другому не мешает.

— Мешает. Потому что ты всегда выбираешь его.

— Я не должна выбирать между ребёнком и мужем.

— Тогда почему я всё время последний?

— Потому что взрослый мужчина может позаботиться о себе.

— А обо мне кто-нибудь когда-нибудь подумает?

— Я думала о тебе несколько лет.

— Вот именно. А теперь перестала.

— Я стала думать ещё и о себе.

— Поэтому разрушила семью?

Ирина потянулась к кнопке паузы, но Лина остановила её.

— Дальше.

— Что изменится, если Паша поживёт отдельно? — спросила Лина на записи.

— Ты перестанешь дёргаться на каждое моё слово.

— Потому что не будешь на него кричать?

— Потому что его не будет рядом.

— Значит, проблема всё-таки не во мне.

— Проблема в том, что ты не умеешь быть женой, пока играешь заботливую мамочку.

— Я не играю.

— Все матери растят детей. Никто не делает из этого по-
двиг.

— А все отцы?

Возникла пауза.

Алексей ответил:

— Не переводи разговор на Юлю.

Ирина остановила запись.

Лина смотрела на звуковую дорожку.

— Он сам заговорил о ней.

— Да.

— Сказал, чтобы я вернулась с Юлей. Потом обвинил, что
я перевожу разговор на неё.

— Потому что вопрос был не о том, где будет жить Юля.

— А о чём?

— Вернёшься ли ты.

Лина почувствовала, как внутри становится холодно.

Дочь была не целью разговора.

Она была способом вернуть мать.

Если бы Алексей хотел только общаться с Юлей, он об-
суждал бы место встреч, время, питание, режим.

Но он требовал адрес.

Возвращение.

Разделение с Павлом.

Доступ к квартире.

— Значит, он использует её, — сказала Лина.

— Пока мы не можем знать, что он думает.

— Но слышим, что он требует.

— Именно это и записываем.

Ирина вывела:

14:36 — предлагает Лине вернуться с Юлей, а Павла временно отправить к бабушке.

Ниже:

Не предлагает конкретного порядка общения с ребёнком вне дома.

— Это будет третья глава, — неожиданно сказала Лина.

— Что?

— Ничего.

Она сама не знала, почему так подумала.

Возможно, потому что жизнь уже начала раскладываться на части.

Не те, которые Алексей требовал считать отдельными.

Другие.

Те, из которых можно будет собрать правду.

На шестнадцатой минуте появился алкоголь.

Лина услышала собственный вопрос:

— Ты пил перед встречей?

— Началось.

— Я спрашиваю.

— Одну бутылку.

— И собираешься ехать.

— Я трезвый.

— Ты приехал на машине.

— И что?

— И сейчас пьёшь.

— Машина стоит.

Ирина остановила запись.

— Это оставим на завтра.

— Почему?

— Потому что мы уже три часа сидим.

Лина посмотрела на часы.

Было почти двенадцать.

— Осталось семь минут.

— Записи. Не разговора о ней.

— Я хочу закончить.

— Он тоже использовал эту фразу?

Лина посмотрела на неё.

— Какую?

— «Хочу закончить».

На записи Алексей повторял:

«Сначала договорим».

«Давай закончим нормально».

«Ты не можешь уйти посреди разговора».

«Мы ещё не решили».

Закончить для него означало добиться согласия.

Для Лины сейчас — дойти до последней секунды, несмотря на усталость.

Ирина была права.

Даже сопротивляясь Алексею, Лина продолжала пользоваться его правилами.

Начатое обязательно закончить.

Объяснение довести до убедительности.

Чужое недовольство снять.

Собственную усталость считать попыткой избежать ответственности.

— Сделаем перерыв, — сказала она.

Они вышли на балкон.

Снег за ночь покрыл машины и край детской площадки. Дворники уже очистили дорожки, но возле дальнего забора снег оставался нетронутым.

— Вчера на парковке было больше снега, — сказала Лина.

— Вчера там почти не чистили.

— На записи этого не видно.

— Не всё обязано быть доказательством.

— Теперь мне кажется, что обязано.

— Это опасная мысль.

— Почему?

— Потому что тогда ты снова начнёшь жить для наблюдателя. Только раньше наблюдал Алексей, а теперь — вооб-

ражаемый судья.

Лина обхватила себя руками.

— Но судья может появиться.

— Может.

— И спросит, почему я не дала ребёнка.

— Может спросить.

— Почему скрыла адрес.

— Да.

— Почему села в машину, если боялась.

— И это.

— Тогда я должна подготовиться.

— Подготовиться — да. Превратить каждый день в материал дела — нет.

Лина посмотрела на окна противоположного дома.

За одним женщина поливала цветы.

За другим мужчина держал ребёнка на руках.

В третьем никого не было видно.

Там могли ссориться.

Молчать.

Завтракать.

Собираться на работу.

Жить без необходимости доказывать, что имеют право на обычный день.

— А как отличить? — спросила Лина.

— Что?

— Подготовку от жизни для судьи.

— Если начинаешь думать, как будет выглядеть твоя чашка на фотографии, — пора остановиться.

Лина улыбнулась.

Впервые за утро.

— Моя чашка выглядит ужасно.

— Значит, пока всё нормально.

Они вернулись к записи через полчаса.

Павел сидел в своей комнате на онлайн-уроке. Из-за закрытой двери доносился голос учительницы.

Лина надела наушники.

Ирина взяла вторые.

На семнадцатой минуте Алексей требовал передавать Юлю ему домой.

На восемнадцатой — утверждал, что Лина не вправе ставить условие о трезвости.

На девятнадцатой сказал:

— Пока у нас общий ребёнок, твоя жизнь касается меня.

Лина нажала паузу сама.

— В прологе я запомнила другое.

— Что именно?

— Что он сказал: «Ты не отделишь себя от неё».

— Это позже.

— А это я пропустила.

Они вернули запись.

— Пока у нас общий ребёнок, твоя жизнь касается меня.

— Жизнь Юли — да, — отвечала Лина. — Моя — нет.

— Не получится так разделить.

— Почему?

— Потому что ты решаешь за неё.

— Ей меньше года. Конечно, решаю.

— Вот поэтому я должен знать всё.

— О ребёнке.

— И о том, где ты живёшь, с кем оставляешь, куда ходишь,

кто к тебе приходит.

— Это уже не о ребёнке.

— Ты можешь назвать как хочешь.

— Я называю это контролем.

Пауза.

Потом Алексей произнёс:

— Если я не буду контролировать, ты сделаешь всё по-своему.

Лина сняла наушники.

За стеной учительница просила кого-то включить микрофон.

На кухне Ирина молчала.

— Вот, — сказала Лина.

Голос дрогнул.

— Что?

— Он признал.

— Что именно?

— Что хочет контролировать.

— Он может сказать, что имел в виду контроль за благополучием ребёнка.

— Но я перечислила мою жизнь. Куда хожу. Кто приходит.

— Да.

— И он ответил: если не будет контролировать, я сделаю по-своему.

— Да.

— Будто я не имею права по-своему.

Лина снова надела наушники.

Продолжение было ещё тише.

— Я и должна делать по-своему, — говорила она на записи. — Это моя жизнь.

— Тогда зачем замуж выходила?

— Брак не отменяет отдельного человека.

— Вот где твоя ошибка.

Три слова.

Вот где твоя ошибка.

Ирина ничего не записывала.

Просто смотрела на экран.

— Ты слышала это вчера? — спросила она.

— Слышала.

— Поняла?

— Нет.

Вчера Лина ждала угрозы.

Резкого движения.

Попытки забрать телефон.

Она следила за рукой Алексея возле кнопки блокировки и за силуэтом Ирины за стеклом кафе.

Слова проходили сквозь неё.

Теперь каждое осталось на звуковой дорожке.

Брак не отменяет отдельного человека.

Вот где твоя ошибка.

Для Алексея ошибка была не в том, что Лина ушла ночью.

Не в том, что не дала адрес.

Не в том, что записывала разговор.

Ошибка произошла раньше.

Когда она решила, что после свадьбы осталась отдельным человеком.

— Выпиши дословно, — сказала Лина.

Рука Ирины на мгновение задержалась над бумагой.

Потом она написала:

19:08

Алексей: «Пока у нас общий ребёнок, твоя жизнь касается меня».

19:31

Алексей: «Если я не буду контролировать, ты делаешь всё по-своему».

19:52

Лина: «Брак не отменяет отдельного человека».

Алексей: «Вот где твоя ошибка».

Четыре строки.

Без толкования.

Без эпитетов.

Без слова «абыюз».

Без диагноза.

Только их голоса.

— Сделай фотографию страницы, — сказала Лина.

— Сначала допишем.

— Сейчас.

Ирина не стала спорить.

Сфотографировала.

Отправила файл себе.

Потом Лине на новый номер.

— Ещё куда?

— На почту.

— Пароль он мог знать.

— Тогда заведём новую.

Они зарегистрировали отдельный почтовый ящик.

Лина придумала пароль, не связанный с детьми, датами или именами.

Записала его на бумаге.

Потом порвала бумагу.

— Запомнила?

— Да.

— Точно?

— Да.

Ирина собрала обрывки и убрала в карман.

В доме Алексея пароль от семейного Wi-Fi был составлен из его имени и года рождения.

Он называл это удобством.

Теперь безопасность начиналась с последовательности символов, которую нельзя было угадать, зная человека.

На двадцатой минуте Лина напомнила:

— Время закончилось.

— Мы не договорили, — ответил Алексей.

— Я ухожу.

— Сядь.

— Я и так сижу.

— Тогда не дёргайся.

— Открой дверь.

Первый щелчок на записи оказался почти неслышным.

Лина потянула ручку.

Не открылась.

— Открой.

— Сначала договорим.

— Двадцать минут прошли.

— И что? У тебя поезд?

— Я сказала, что ухожу.

— Не можешь ты всё время убежать.

— Я никуда не убегаю. Я заканчиваю разговор.

— Его заканчивают, когда договорились.

— Нет. Его заканчивает любой человек, который больше не хочет разговаривать.

Пауза.

— Кто тебя этому научил?

У Лины по спине прошёл холод.

Она не помнила этой фразы.

Совсем.

— Что ты ответила? — спросила Ирина.

Запись продолжилась:

— Никто.

— Сама придумала?

— Открой дверь.

— Ирина?

— Она здесь только потому, что я боюсь встречаться с тобой одна.

— Значит, всё-таки она.

— Что — она?

— Настроила тебя. Эти фразы. «Границы», «контроль», «безопасный порядок». Ты раньше так не разговаривала.

— Раньше я пыталась говорить так, чтобы ты не разозлился.

— А теперь решила злить специально?

— Нет.

— Тогда чего добиваешься?

— Чтобы моё «нет» означало «нет».

На записи раздался второй щелчок.

Дверь всё ещё не открылась.

— Дай телефон, — сказал Алексей.

— Нет.

— Выключи запись.

— Открой дверь.

— Ты пришла не разговаривать. Ты пришла собрать на меня материал.

— Открой.

— Потом побежишь по полиции?

— Ирина видит машину.

Тишина.

Семь секунд.

В записи слышалось дыхание Лины.

Шорох куртки.

Далёкий сигнал автомобиля.

Потом голос Алексея:

— Ты не одна пришла.

— Нет.

— Боишься меня?

— Да.

Снова пауза.

— И чего именно?

— Что ты не примешь моё «нет».

Третий щелчок.

Замки открылись.

Ирина остановила запись.

— Три щелчка, — сказала Лина.

— Первый — блокировка.

— Второй?

— Не знаю. Возможно, ты ещё раз дёрнула ручку.

— А третий — открыл.

— Похоже.

Три коротких звука.

Как удары из-за стены.

Только теперь стучал не человек, просивший о помощи.

Теперь закрытый механизм сообщал:

выход существует, но решает не тот, кто хочет выйти.

Лина посмотрела на время.

21:47.

Дверь открылась почти через две минуты после того, как закончились оговорённые двадцать.

На записи это казалось недолгим.

Две минуты.

Сто двадцать секунд.

Но внутри машины время измерялось иначе.

Рукой на ручке.

Телефоном в ладони.

Расстоянием до Ирины.

Выражением лица Алексея.

Возможностью, что он заведёт двигатель.

— Две минуты — это мало? — спросила Лина.

— Для чего?

— Чтобы считать, что он удерживал меня.

Ирина посмотрела на неё.

— Это вопрос для юриста.

— А для тебя?

— Для меня достаточно того, что ты попросила открыть,
а он открыл не сразу.

— Он не тронулся.

— Да.

— Не отобрал телефон.

— Да.

— Не ударил.

— Да.

— Значит, ничего страшного не произошло.

Ирина придвинула к ней тетрадь.

— Прочитай последнюю фразу.

— Какую?

— Свою.

Лина посмотрела.

Чтобы моё «нет» означало «нет».

— Страшное не обязано быть самым страшным из возможного, — сказала Ирина.

Лина перечитала фразу ещё раз.

В доме Алексея она постоянно сравнивала случившееся с тем, чего не произошло.

Не ударил.

Не выгнал.

Не оставил без денег полностью.

Не запер комнату снаружи.

Не отнял детей.

Не убил.

Рядом с худшим любой поступок становился терпимым.

Но жизнь состояла не только из границы между выжила и не выжила.

Между ними находилось право открыть дверь, когда хочешь выйти.

Последние полторы минуты записи были сделаны уже при открытой двери.

Слышался ветер.

Шум парковки.

Голос Алексея стал громче, будто открытое пространство вынуждало его повышать тон.

— Если сейчас уйдёшь, я буду действовать по закону.

— Действуй.

— Я добьюсь встреч с дочерью.

— Обсудим безопасный порядок.

— Не ты будешь решать.

— И не ты один.

— Я приеду к вам.

— Адреса у тебя нет.

— Найду.

— Это угроза преследования?

— Это моё право знать, где ребёнок.

— Нет. Это твоё желание контролировать, где нахожусь я.

— Ты не отделишь себя от неё.

— Именно это ты и используешь.

— Называй как хочешь.

Хлопнула дверь.

Шаги Лины.

Потом голос Алексея, уже издалека:

— Я всё равно найду.

Запись продолжалась ещё девятнадцать секунд.

Слышалось дыхание Лины.

Музыка возле торгового центра.

Детский смех.

Звук проезжающей машины.

Потом её тихий голос:

— Восемнадцать двадцать три. Я вышла.

Файл закончился.

На кухне стало тихо.

Из комнаты Павла доносилось:

— Мария Сергеевна, у меня микрофон не работал.

Обычная проблема.

Учительница попросила его перезайти в конференцию.

Хлопнула дверь шкафа.

По трубам прошла вода.

Во дворе кто-то очищал машину от снега.

Мир не остановился, когда запись закончилась.

— Двадцать три минуты семнадцать секунд, — сказала Лина.

Ирина дописала время.

— Да.

— А я сказала, что вышла в восемнадцать двадцать три.

— На часах диктофона запись началась раньше встречи.

— Значит, всё совпадает.

— Совпадает.

Лина посмотрела на первую страницу тетради.

Факты заняли четыре листа.

Но двадцать три минуты всё равно не помещались в слова полностью.

В расшифровке не было запаха пива.

Не было ощущения запертой двери.

Не было снега на волосах.

Не было выражения лица Алексея после её ответа «да, я боюсь».

Не было понимания, что человек, с которым она прожила несколько лет, удивился не её страху.

Тому, что она произнесла его вслух.

— Что теперь? — спросила Лина.

— Сохраняем оригинал. Делаем копии. Ничего не обре-
заем.

— А запись использовать?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что он не знает точно, что сохранилось.

— Он понял, что я записываю.

— Понял. Но не знает качество. Не знает, включила ли ты запись заранее. Не знает, удалила ли потом.

— И пусть не знает?

— Пока да.

Лина закрыла тетрадь.

На синей обложке не было надписей.

— Где хранить?

— Одну копию у меня. Одну — в новом ящике. Ещё одну на внешнем диске.

— Ноутбук нужно проверить.

— Проверим.

— Павел боится, что Алексей может слышать через него.

— Теоретически удалённый доступ возможен. Но пока у нас нет признаков.

Лина вспомнила красный огонёк утром.

— Он загорелся сам.

— Какой огонёк?

— Возле камеры.

— Когда?

— Когда запись включилась.

— Ноутбук мог проснуться после нажатия клавиши.

— Павел сказал, что искал зарядку.

— Значит, задел.

Объяснение было разумным.

Простым.

Лина кивнула.

— Всё равно проверим, — добавила Ирина.

— Да.

Ирина убрала флешку во внутренний карман.

Вторую отдала Лине.

— Не клади рядом с документами.

— Почему?

— Это первое место, которое ты схватишь при опасности.

И первое, которое могут вырвать.

Лина оглядела кухню.

Спрятать.

Скопировать.

Не обсуждать.

Не сообщать.

Новая квартира постепенно наполнялась теми же глаголами, что и старый дом.

Только раньше она прятала от Алексея намерение уйти.

Теперь — доказательство того, почему ушла.

— Я не хочу снова превращать жильё в тайник, — сказала она.

— Тогда выбери одно место для доказательств. Остальную квартиру оставь домом.

— Это возможно?

— Не сразу.

Лина положила флешку в карман.

— У меня всё теперь «не сразу».

— Потому что «сразу» он у тебя уже забрал.

— Что значит?

— Ты ушла за одну ночь. А готовилась к этому годами, даже когда не знала, что готовишься.

Лина вспомнила зелёный ключ.

Синюю машинку.

Лист Юры.

Тёмную сумку.

Три коротких удара.

Каждая вещь появилась раньше, чем обрела значение.

Как будто жизнь заранее раскладывала вдоль дороги предметы, которые однажды помогут найти выход.

После ухода Ирины Лина поговорила с Павлом.

Они сидели в его комнате.

Дверь была закрыта.

— Вчера Алексей не сразу открыл мне машину, — сказала она.

Павел перестал собирать конструктор.

— Я знаю.

— Откуда?

— Слышал запись утром.

— Всю?

— Нет. До того, как ты пришла. Потом ещё немного, когда вы слушали.

Лина почувствовала раздражение.

Не на сына.

На то, что даже здесь звук снова проходил через стены.

— Надо было сказать.

— Вы бы закрыли дверь плотнее.

— Потому что разговор не для тебя.

— Но он про меня говорил.

Лина села ближе.

— Что ты услышал?

— Что я должен жить у бабушки.

— Это не решает Алексей.

— А ты?

— Я не собираюсь тебя отправлять.

— Даже если он вернёт Юлю?

— Он не «вернёт» её. Она не потерялась.

— Если суд скажет, что она должна быть у него.

— Суд не решает, кому принадлежит ребёнок.

— А что решает?

— Как родители будут общаться с ним, если сами не договорились.

— Вы не договоритесь.

Он сказал это спокойно.

Без сомнения.

— Возможно.

— Потому что ему нужно, чтобы всё было как он сказал.

— Да.

— А тебе?

Лина хотела ответить: мне нужна безопасность.

Но Павел спрашивал не об этом.

— Мне тоже хочется, чтобы всё было по-моему, — призналась она.

— Тогда вы одинаковые?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я должна учитывать, что у Алексея есть право быть отцом Юли. Но это право не даёт ему власть над всеми остальными.

— А если он будет хорошим отцом?

— Тогда Юле будет лучше.

— Ты разрешишь ему её забирать?

Вопрос пришёл слишком рано.

Он принадлежал будущим месяцам, экспертам, заявлениям и соглашению, которого ещё не существовало.

— Сначала он должен научиться быть рядом с ней безопасно.

— А кто проверит?

— Не знаю.

— Ты?

— Вначале — да.

— Он разозлится.

— Возможно.

— И снова будет говорить про право.

Лина кивнула.

Павел вернулся к конструктору.

В его руках была маленькая стена из синих деталей.

— Мам.

— Что?

— Если у человека есть право, он может делать всё?

— Нет.

— Тогда почему он всё время говорит это слово?

Лина подумала.

— Потому что раньше он говорил: «Я муж». Теперь понимает, что этого недостаточно.

— И стал говорить: «Я отец»?

— Да.

— А потом будет говорить: «Так решил суд»?

Лина посмотрела на сына.

— Может быть.

Павел прикрепил к синей стене дверь.

Проверил, открывается ли она.

— Значит, слова меняются, а он нет.

Лина не ответила.

Мальчик снова сформулировал то, до чего взрослым требовались часы записей и страницы расшифровок.

Слова менялись.

Сначала любовь.

Потом семья.

Дом.

Забота.

Безопасность.

Брак.

Отцовство.

Закон.

Каждое следующее должно было дать Алексею то, чего уже не давало предыдущее.

Право определять чужое «нет» как ошибку.

Вечером Лина снова открыла ноутбук.

Не подключая его к интернету.

Скопировала файлы на внешний диск.

Назвала папку:

02.12.2024

Внутри создала документ:

Расшифровка разговора.

Пальцы лежали на клавиатуре, но она долго не начинала.

Потом набрала:

Место: парковка возле торгового центра.

Начало встречи: 18:00.

Участники: Лина и Алексей.

Разговор проходил в автомобиле Алексея.

Остановилась.

Слово «участники» делало их равными.

Два взрослых человека добровольно обсуждают ребёнка.

Но один мог выйти только после разрешения другого.

Она добавила:

Перед встречей было согласовано, что разговор продлится двадцать минут.

Ниже:

После истечения двадцати минут Лина потребовала открыть дверь. Алексей открыл её не сразу.

Прочитала.

Сухо.

Точно.

Без страха.

Страх не помещался в документ.

Но документ и не должен был чувствовать вместо неё.

Он должен был сохранять последовательность.

Лина перенесла первые реплики.

Возле девятнадцатой минуты остановилась.

Алексей: «Пока у нас общий ребёнок, твоя жизнь касается меня».

Лина: «Жизнь Юли — да. Моя — нет».

Алексей: «Не получится так разделить».

Она набрала следующую фразу:

«Если я не буду контролировать, ты сделаешь всё по-своему».

Красная точка возле камеры ноутбука загорелась.

Лина замерла.

Курсор продолжал мигать.

Один раз.

Второй.

Третий.

Она не касалась клавиатуры.

Огонёк погас.

Лина закрыла крышку.

Сердце билось быстро.

Возможно, включилась камера из-за программы.

Возможно, система обращалась к устройству при выходе из спящего режима.

Возможно, она сама случайно нажала сочетание клавиш.

У всего имелось обычное объяснение.

В старом доме именно такими объяснениями она закрывала каждую тревогу.

Показалось.

Совпало.

Сама включила.

Забыла.

Неправильно поняла.

Но теперь Лина не стала убеждать себя, что ничего не произошло.

Достала синюю тетрадь.

Открыла последнюю страницу и написала:

3 декабря, 19:42. Во время работы без подключения к интернету на ноутбуке загорелся индикатор камеры. Причина неизвестна. Проверить.

Факт.

Не вывод.

Не обвинение.

Пока только красная точка.

Она убрала ноутбук в ящик и вынула флешку.

Из комнаты вышел Павел.

— Опять загорелась?

— Да.

— Он слушает?

— Мы этого не знаем.

— Но проверим?

— Обязательно.

Павел посмотрел на закрытый кухонный ящик.

— Разговор был двадцать минут?

— Двадцать три.

— Значит, он украл ещё три?

Лина задумалась.

Три минуты казались слишком малым временем для слова «украл».

Но именно из таких малых уступок когда-то сложились годы.

Ещё один вопрос.

Ещё одно объяснение.

Ещё одна бутылка.

Ещё один перевод.

Ещё одна камера.

Ещё три минуты после того, как она сказала, что хочет выйти.

— Да, — ответила Лина. — Но больше не украдёт.

— Откуда ты знаешь?

Она посмотрела на дверь квартиры.

Два замка.

Цепочка.

Глазок.

Ни одного ключа у Алексея.

Потом — на тетрадь.

На флешку.

На кухонный ящик, куда убрала ноутбук.

— Потому что следующего разговора в закрытой машине не будет.

Павел кивнул.

На этот раз её обещание не требовало власти над поступками Алексея.

Только над собственным решением.

Он вернулся в комнату и закрыл дверь.

Лина не попросила оставить её открытой.

Она выключила свет на кухне.

В темноте красная точка больше не появилась.

Но Лина ещё долго стояла рядом с ящиком и слушала ти-

шину.

Раньше ей казалось, что опасность обязательно выдаст себя звуком.

Шагами.

Криком.

Ударом.

Щелчком замка.

Теперь она начинала понимать:

иногда самое важное происходило без шума.

Человек называл контролем своё право вмешиваться в чужую жизнь.

Другой человек впервые сохранял эти слова.

А где-то между ними уже начинался спор не о двадцати минутах.

О том, кому принадлежит всё время после них.

Глава 2. Одна бутылка

На следующий день Алексей прислал фотографию.

Стол.

Тарелка с жареной картошкой.

Половина батона.

Открытая бутылка пива.

Под снимком было написано:

ВОТ ТАК ТЕПЕРЬ И ЖИВУ. ОДИН.

Лина увидела сообщение утром, когда кормила Юлю кашей.

Дочь сидела в детском стульчике, размазывала пюре по столику и пыталась поймать ложку. Павел собирал школьный рюкзак. За окном медленно светлело.

Лина увеличила фотографию.

Бутылка была той же марки, которую Алексей покупал чаще всего.

Возможно, даже из той же упаковки, что стояла у него дома до их ухода.

На краю стола виднелась ещё одна крышка.

Самой бутылки в кадре не было.

— Что он написал? — спросил Павел.

— Ничего важного.

Мальчик застегнул рюкзак.

— Значит, важное.

— Почему?

— Когда ничего важного, ты сразу отвечаешь.

Лина положила телефон экраном вниз.

— Прислал фотографию ужина.

— Зачем?

— Чтобы показать, что ему плохо.

— А что он ест?

— Картошку.

— Тогда почему плохо?

— Не из-за еды.

Павел подошёл ближе.

— Он опять пьёт?

Лина не ответила.

Этого оказалось достаточно.

— Вчера тоже пил, — сказал Павел.

— Откуда ты знаешь?

— Ты с Ириной говорила.

— Ты подслушивал?

— Я шёл в туалет.

— Паша.

— Что?

— Не нужно стоять под дверью.

— Я не стоял.

Он надел рюкзак.

— А когда мы там жили, он всегда пил за ужином.

— Не всегда.

Павел посмотрел на неё так, будто она сказала что-то заведомо неверное.

— Всегда.

— Иногда не пил.

— Когда работал ночью.

Лина хотела возразить.

Вспомнить хотя бы один обычный вечер без бутылки возле локтя Алексея.

Семейная фотография.

Предложение пожениться.

Праздники.

Разговоры о деньгах.

Камеры.

Первые месяцы после рождения Юли.

Почти на каждом воспоминании стояла бутылка.

Иногда одна.

Иногда две.

Иногда пластиковая упаковка возле холодильника.

Но слово «всегда» всё равно казалось несправедливым.

Слишком окончательным.

Она до сих пор пыталась быть точной даже в том, что никто не собирался проверять.

— Часто, — сказала Лина.

— Каждый день — это часто или всегда?

— Часто.

— Почему не «всегда»?

— Потому что я не записывала каждый день.

Павел задумался.

— А надо было?

— Нет.

— Тогда как доказать?

Снова это слово.

Доказать.

Алексей оставил его им вместе с вещами, страхом и привычкой проверять замки.

— Тебе не нужно ничего доказывать, — сказала Лина.

— А тебе?

Юля ударила ладонью по столу.

Ложка упала на пол.

Лина подняла её, сполоснула и снова набрала кашу.

— Мне тоже не нужно доказывать, что я помню нашу жизнь.

— Но ты вчера записывала всё в тетрадь.

— Чтобы не забыть детали.

— Для суда?

— Пока ни для какого суда.

— А для чего?

Лина посмотрела на сына.

— Чтобы, если я снова начну думать, что всё было не так уж плохо, прочитать.

— И вспомнить?

— Да.

Павел опустил глаза.

— А если я начну?

— Что?

— Думать, что там было лучше.

— Тогда тоже прочитаем.

— Там компьютер остался.

— Знаю.

— И двор.

— Знаю.

— И дядя Юра там был.

Лина замерла.

Юра больше не был там.

Но Павел произнёс именно так — будто человек оставался не в доме, а в его памяти о нём.

— По хорошему можно скучать, — сказала она. — Даже если возвращаться нельзя.

— А по Алексею?

Вопрос прозвучал осторожно.

Лина поставила миску с кашей на стол.

— По нему тоже.

— Ты скучаешь?

Она посмотрела на фотографию, хотя экран телефона был выключен.

Картошка.

Хлеб.

Бутылка.

Пустой стул напротив.

Алексей знал, как построить кадр.

— Иногда, — ответила Лина.

Павел кивнул.

Как будто получил разрешение на собственное чувство.

— Я тоже, — сказал он. — Но только когда он был нормальный.

Он открыл входную дверь.

Потом остановился.

— Мам.

— Что?

— А когда он пил, он знал, что становится ненормальный?

— Не знаю.

— Наверное, знал. Поэтому всё время говорил, что не пьяный.

Дверь закрылась.

Лина осталась на кухне с Юлей и фотографией чужого ужина.

Она не ответила на сообщение.

Через двадцать минут Алексей прислал ещё одно:

ТЕБЕ ВСЁ РАВНО?

Потом:

Я НЕ ПРОШУ ВЕРНУТЬСЯ. МОГЛА БЫ ПРОСТО СПРОСИТЬ, КАК Я.

Лина набрала:

Как ты?

Посмотрела на фразу.

Удалила.

Если спросит, он расскажет.

Что не спал.

Что не ест.

Что сердце болит.

Что дом опустел.

Что соседи смотрят.

Что на работе задают вопросы.

Что она бросила его после всего, что он для неё сделал.

Его состояние снова станет её обязанностью.

Лина написала другое:

Я получила фотографию. По вопросам, связанным с Юлей, готова общаться письменно.

Ответ пришёл сразу:

А КАК ЧЕЛОВЕК ТЫ УЖЕ НЕ ГОТОВА?

Она не ответила.

Я ТЕБЕ ЧУЖОЙ?

Потом:

ПОНЯТНО.

Через минуту:

КОГДА УВИЖУ ДОЧЬ?

Лина перечитала последнее сообщение.

Переход был быстрым.

От одиночества.

К вине.

От вины — к ребёнку.

Как будто Юля должна была исправить то, что Лина не спросила о его самочувствии.

Она написала:

Можно обсудить встречу в субботу в общественном месте. В моём присутствии. При условии, что ты будешь трезв.

Три точки появились почти сразу.

Исчезли.

Появились снова.

Я ВСЕГДА ТРЕЗВЫЙ.

Лина посмотрела на фотографию с бутылкой.

Ответила:

На встрече 2 декабря ты пил пиво и собирался ехать за рулём.

ОДНУ БУТЫЛКУ.

Это алкоголь.

НЕ БЫЛ Я ПЬЯНЫЙ.

Она набрала:

Я не писала, что ты был пьян. Я написала, что ты пил.

Отправила.

Алексей не отвечал почти пять минут.

Потом пришло:

ТЫ СПЕЦИАЛЬНО ПОДМЕНЯЕШЬ ПОНЯТИЯ.

Лина усмехнулась.

Та же фраза.

Он часто произносил её, когда точное слово мешало ему изменить смысл.

Какое понятие я подменила?

ОДНА БУТЫЛКА НЕ ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА АЛКОГОЛИКОМ.

Я не называла тебя алкоголиком.

НО ПОДВОДИШЬ К ЭТОМУ.

Я устанавливаю условие встречи с маленьким ребёнком: без алкоголя.

А КОФЕ МОЖНО?

Можно.

СИГАРЕТЫ?

Не рядом с Юлей.

ЕЩЁ ЧТО ЗАПРЕТИШЬ?

Лина положила телефон.

Юля потянулась к нему испачканной рукой.

— Нет, — сказала Лина и убрала устройство дальше.

Девочка нахмурилась.

В её мире отказ был простым.

Телефон нельзя.

Ложку можно.

Горячую кружку нельзя.

Игрушку можно.

Она ещё не умела превращать границу в обвинение.
Не спрашивала, почему мать лишает её прав.
Не требовала доказать опасность.
Не называла заботу контролем только потому, что решение принял другой человек.

Алексей позвонил через минуту.
Лина не взяла трубку.
Он позвонил снова.
Потом с нового номера.
Она включила запись экрана и ответила только на четвёртый вызов.

— Да.
— Ты специально меня доводишь?
Голос был громким.
На заднем плане работал телевизор.
— Мы можем переписываться.
— Нет, так нельзя. Ты пишешь одно, имеешь в виду другое.

— Что именно?
— Выставляешь меня пьяницей.
— Я этого не писала.
— А что означает «только трезвый»?
— Что перед встречей с Юлей нельзя пить алкоголь.
— Я и не собирался.

— Тогда в чём проблема?

На другом конце наступила пауза.

— В том, что ты ставишь мне условия.

— Да.

— Ты не имеешь права.

— Мы уже обсуждали это.

— Ничего мы не обсуждали. Ты сидела с диктофоном и провоцировала.

— Ты признаёшь, что пил в машине?

— Я не обязан перед тобой отчитываться.

— Значит, признаёшь.

— Опять переворачиваешь.

— Я задала простой вопрос.

— А я говорю: одна бутылка пива не означает, что человек пьяный.

— Я не спрашивала, был ли ты пьян.

— А что ты спрашиваешь?

— Пил ли ты.

— Ну пил.

Ответ прозвучал раздражённо.

Будто она заставила его признаться в чём-то настолько обычном, что сам вопрос был оскорблением.

— Спасибо, — сказала Лина.

— За что?

— За ответ.

— Для записи стараешься?

Она промолчала.

— Ты опять записываешь? — спросил он.

— Разговор касается ребёнка.

— Тогда предупреждать надо.

— Предупреждаю: я сохраняю разговор.

— Выключи.

— Нет.

— Значит, разговора не будет.

— Хорошо.

Лина убрала телефон от уха, но Алексей быстро произнёс:

— Стой.

Она подождала.

— Суббота во сколько?

— В двенадцать.

— Где?

— В детском центре возле торгового комплекса.

— Почему там?

— Тёплое общественное место. Есть игровая зона.

— Ты уже всё решила.

— Я предложила.

— А если мне неудобно?

— Назови другое время.

— Я не про время. Почему не у меня дома?

— Потому что пока встречи будут в моём присутствии и на нейтральной территории.

— Опять «пока».

— Да.

— А потом?

— Посмотрим, как будет проходить общение.

— То есть я должен сдать экзамен?

— Ты ни разу не оставался с Юлей один.

— Потому что ты не давала.

— Я просила посидеть с ней, когда ходила в поликлинику.

— Я работал.

— Это было воскресенье.

— Значит, у меня были дела.

— Я просила искупать её.

— Ты сама быстрее делала.

— Я просила ночью взять её на руки, пока готовила смесь.

— Я утром вставал.

— Я тоже.

— Ты мать.

Два слова.

Не аргумент.

Распределение обязанностей.

Лина почувствовала, как пальцы сильнее сжимают телефон.

— Именно поэтому первая встреча будет при мне.

— Какая связь?

— Я хочу видеть, как ты обращаешься с Юлей.

— Я отец.

— Этого недостаточно, чтобы знать режим ребёнка.

— Напишешь на бумажке.

Та же фраза, что прозвучала в машине.

Сон.

Еда.

Лекарства.

Одежда.

Всё, чему Лина училась месяцами, для Алексея помещалось на бумажке.

— Встреча в субботу в двенадцать, — повторила она. — Детский центр. Один час. В моём присутствии. Без алкоголя.

— Я не собираюсь час сидеть под твоим надзором.

— Тогда встречи не будет.

— Вот. Запиши это хорошо. Ты запрещаешь мне видеть ребёнка.

— Я предложила конкретные место и время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.